

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЖЕНЩИН – ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1881–1917 гг.)

О.В. Ванюшина

Российский государственный
гуманитарный университет, Москва
vanyushina_olesy@mail.ru

В статье дана характеристика численного, возрастного, национального, социального, профессионального, партийного состава женщин – политических ссыльных в Тверской губернии. Автор приводит как среднестатистический портрет женщины – политической ссыльной в Тверской губернии, так и реконструирует облик тех нескольких реальных типов, которые были характерны для разных периодов женской политической ссылки в Тверской губернии.

Ключевые слова: женщины – политические ссыльные, среднестатистический портрет женщины – политической ссыльной в Тверской губернии.

Рубеж XIX–XX вв. – это время активного вхождения женщин в революционную среду. Участие в деятельности леворадикальных партий стало для большинства женщин единственно доступной формой социального самоутверждения и компенсации исключенности из общественной сферы. Многие из участниц противоправительственного движения за свою деятельность понесли наказание: выслались в Сибирь, в отдаленные или во внутренние губернии России, попадали под надзор полиции. К числу мест административной высылки была отнесена и Тверская губерния. В конце XIX – начале XX в. высылка «политически неблагонадежных лиц» во внутренние губернии центральной России широко использовалась в карательной политике русского самодержавия.

Удалось установить имена 84 женщин – политических ссыльных в Тверской губернии. Под женщинами – политическими ссыльными имеются в виду женщины, которые были административно высланы в

Тверскую губернию по политическим обвинениям.

Значительная часть высланных женщин получила право добровольно избрать место водворения. Остальные были «высланы на родину под надзор полиции» или «подлежали гласному надзору в месте приписки». Большинство женщин (68 из 84 высланных, т. е. 81 %) прибыли из Москвы и С.-Петербурга.

В Тверской губернии женщины составляли в среднем 12,4 % от общего количества административно высланных. Численное преобладание высланных мужчин над женщинами-поднадзорными было характерно не только для Тверской губернии, но и для всех остальных регионов, входящих в число мест ссылки, поскольку участие в деятельности леворадикальных партий означало для россиянки полный разрыв с господствовавшими в обществе представлениями о месте и роли женщины в социуме. Поведение женщин-революционерок противоречило нормам, на которые их

ориентировала официальная ценностная система общества, предписывавшая женщине оставаться женой, матерью, хранительницей домашнего очага. Россиянки, занимавшиеся политикой, не признавались обществом. Для женщин переход в категорию революционерок требовал значительной храбрости. Не каждая женщина ради достижения конкретной политической цели могла пожертвовать своим положением в обществе, устоявшейся семейной жизнью.

Большинство из высланных с 1881 по 1907 г. составляли женщины, принадлежащие к «высшему сословию», – дворянки, дочери почетных граждан и высших чиновников (60,7 %), а также мещанки (17,6 %). С 1908 по 1917 г. подавляющее число высланных женщин относилось к мещанскому и крестьянскому сословию: если в период с 1881 по 1907 г. их доля составляла 25,4 %, то в 1908–1917 гг. – 73,5 %.

Обращает на себя внимание молодой возраст высланных женщин. Из 67 женщин, чей возраст удалось установить, большая часть – 52 женщины (61 %) – были в возрасте до 30 лет, что весьма показательно, поскольку молодые люди более экспрессивны и склонны к скоропалительным решениям. Малый жизненный опыт, желание немедленного переустройства несовершенного окружающего мира, наличие активной агитации среди слушательниц профессиональных и высших женских курсов, традиция равенства полов в революционных организациях приводили молодых девушек и женщин в ряды леворадикальных партий.

Молодость женской политической ссылки была характерной особенностью не только Тверской губернии, но и женской

политической ссылки Восточной Сибири и Архангельской губернии¹.

Для женщин, высланных в Тверскую губернию в 1881–1907 гг., был характерен достаточно высокий уровень образования: 47 (55,2 %) получили среднее специальное образование, окончили высшие женские курсы или обучались на них. Особенно высокий уровень образования характерен для женщин, высланных в Тверскую губернию в период с 1881 по 1907 г.: лишь одна из них, М. Ганцева, являлась малограмотной, хотя «читать и писать умела, выучилась самоучкой»². После 1907 г. уровень образования высланных женщин снижается: основную группу среди них составляли лица со средним, средне-специальным и низким образованием – 12 женщин (35,2 %). Однако неграмотных среди них не было.

Сравнивая результаты исследования по данному пункту анализа, проведенные историком В.Н. Максимовой по материалам Восточной Сибири, с данными по Тверской губернии, отметим, что подавляющее число женщин – политических ссыльнопоселенцев и административных ссыльных в Восточной Сибири в 1907–1917 гг. относилось так же, как и в Тверской губернии в этот же период, к непривилегированным слоям населения и имело среднее или низшее образование – 28,68 % и 19,66 % соответственно. Вместе с не закончившими курс средней школы – это 53,25 %, т. е. больше половины всех ссыльных³.

¹ Максимова В.Н. Женская политическая категория и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2003. – С. 56; Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск: Приморский университет, 2005. – С. 73.

² ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12072. Л. 4.

³ Максимова В.Н. Указ. соч. – С. 57–58.

В целом, рассматривая уровень образования высланных женщин, можно констатировать, что типичной чертой сосланных женщин было стремление к получению образования. Так, на момент высылки 35,3 % женщин являлись курсистками или слушательницами высших женских курсов. Получение образования рассматривалось как необходимое условие адаптации к условиям изменяющейся социокультурной среды. Грамотная женщина была более востребована на рынке труда, получала более высокую заработную плату, становилась экономически самостоятельной и независимой.

Но участие в студенческом и революционном движении вело их в ссылку. Насколько стала велика их доля в студенческом движении на рубеже XIX–XX вв., видно по сведениям Департамента полиции, который отмечал, что в студенческих беспорядках в Санкт-Петербурге и Москве в 1901 г. принимали участие 1142 человека. Из них 472 – курсистки, 483 – студенты различных учебных заведений столиц, 71 – разночинцы и 116 – разночинки. Таким образом, женщины составляли 588 человек или 51,4 % от общего числа участников беспорядков⁴.

Но, оказавшись в месте вынужденного проживания, женщины всеми силами рвались продолжить учебу. В фондах местных и центральных архивов сохранилось множество прошений поднадзорных женщин о разрешении вернуться в столицы для продолжения образования⁵.

Наиболее часто встречающиеся профессии среди административно выслан-

ных женщин – акушерки, фельдшерицы, учителя, что связано с особенностями женского образования в России рассматриваемого периода, а также особенностями психологического состояния многих женщин-революционерок, которые выбрали революционный путь исходя из желания помочь народу.

Национальный состав высланных женщин весьма разнообразен, но наиболее представительными являлись группы русской (82,1 %) и еврейской (13,1 %) национальностей.

В организационном отношении среди высланных женщин преобладали представительницы леворадикальных партий, представлявших оппозицию существующему государственному строю. В 80-е гг. по понятным причинам абсолютно преобладали женщины, придерживающиеся народнических взглядов и являвшиеся членами «Народной воли». Позже ссыльные женщины принадлежали к РСДРП, ПСР, к социал-демократии латышского края и т. д. Необходимо отметить, что возглавляет список РСДРП – 26,2 %. Вместе с тем процентное соотношение представительниц данной партии не было одинаковым на протяжении всего рассматриваемого периода: в 1907–1917 гг. наблюдалось увеличение доли социал-демократок среди высланных женщин. Второй по численности являлась партия социалистов-революционеров.

И хотя можно было бы механически вывести единый среднестатистический портрет женщины – политической ссыльной в Тверской губернии в 1881–1917 гг., но это было бы неверно с точки зрения исторических реалий, так как речь идет о трех разных периодах, имеющих весьма серьезную специфику.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д-5. 1901 г. Д. 297 т. 1. ч. 1. Л. 12.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Д-5. 1901 г. Д. 157 ч. 187. Л. 2, 7–8, 15; ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888 г. Д. 32 ч. 31. Л. 7, 11; ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888 г. Д. 32 ч. 31. Л. 1-1об, 3об. – 4, 6.

Если 80-е годы практически целиком проходили под знаком народнического и народовольческого периода революционного движения, то начиная с 90-х годов становится доминантным влияние социал-демократических идей, впрочем, при усилившейся конкуренции социалистов-революционеров, которые явились продолжателями народничества и народовольчества, но уже в ином осовремененном виде. С другой стороны, для этого же времени было характерно преобладание в революционном движении выходцев из так называемого «образованного общества», ставших костяком и душой всех революционных партий.

А вот период после революции 1905–1907 гг. был, с одной стороны, характерен бегством от революции интеллигенции и ее массовым разочарованием в прежних ценностях, а с другой – тем, что в революционное движение многими десятками тысяч пришли выходцы тех низовых социальных классов и слоев, которых ранее было в нем немного.

Тот обобщенный портрет, который получается из анализа данных, не отразил бы всего того многообразия и всей специфики, которая имела в реальности. Но если предпринять все же такую попытку, то получилось бы что «среднестатистическая» женщина, административно высланная в Тверскую губернию, – это молодая девушка 21–25 лет, из дворян или мещан, русская, проживавшая до высылки в Москве или Санкт-Петербурге, обучавшаяся на Высших женских или профессиональных курсах, представительница социал-демократической партии, высланная под гласный надзор полиции на срок от одного до двух лет по решению Особого Сопределения и получившая право добровольно избрать место водворения.

Чем этот портрет неудовлетворителен? Тем, что преобладание в двух последних периодах социал-демократок никаким образом не может быть отнесено к 80-м годам, когда их попросту в тверской ссылке еще и не было.

А различия, в том числе субкультурные и даже различия в темпераменте между членами различных революционных партий, были весьма ощутимы.

Ощутимы были различия, диктуемые и различным социальным происхождением, культурным, национальным и религиозным своеобразием среды, из которой вышли женщины.

Но намного более перспективной представляется не искусственное выведение единого «среднестатистического» типа, а реконструкция облика тех нескольких реальных типов, которые были характерны для разных периодов женской политической ссылки в Тверской губернии.

Большинство женщин, высланных в Тверскую губернию в 80-е гг., оставались верными народничеству. В основном это были интеллигентки, получившие хорошее образование. Многие из них, за редким исключением, обучались на Высших женских курсах. Высокий уровень образования и обширный круг чтения открыли им глаза на социальную несправедливость. Они видели цель своей жизни в служении народу. Типичной представительницей таких женщин была Александра Ивановна Успенская (урожденная Засулич). А.И. Успенская была выслана в Тверь под строгий надзор полиции в 1889 г. на три года⁶. Как известно, сестры Засулич – Вера, Екатерина и Александра – были активными участницами рево-

⁶ Успенская А.И. Воспоминания шестидесятиницы // Былое. – 1922. – № 18. – С. 50–51; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9816. Л. 44.

люционного движения. Александра Ивановна родилась в семье дворянина. Она получила «билет в народ» – профессию акушерки. Приехав в Москву, познакомилась с Петром Гавриловичем Успенским, за которого впоследствии вышла замуж. «Под его влиянием я стала больше задумываться над общественными вопросами, над положением народа»⁷ – вспоминала Александра Ивановна. Вместе с П.Г. Успенским участвовала в кружке самообразования Ф. Волховского. Кружок не задавался никакими определенными целями, «стремившийся только выработать в себе определенное мировоззрение, и если что намечалось в будущем, – как сообщала А.И. Успенская, – так это работа в народе»⁸. В 1869 г. вместе со своими сестрами и мужем она была арестована по «нечаевскому делу». Суд в июле 1871 г. оправдал ее, а муж был приговорен к 15 годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири навсегда. А.И. Успенская последовала за мужем в Сибирь и пробыла 11 лет в отдаленнейших ее местах – в Нерчинске и на Каре. В 1882 г. после смерти мужа Александра Ивановна переехала в Москву. В 1889 г. она была арестована за революционную пропаганду и административно выслана в Тверь⁹. В Твери Александра Ивановна пробыла три года. Здесь она зарабатывала на жизнь акушерской практикой и переводами¹⁰. В 1900 г. А.И. Успенская выехала в Бессарабскую губернию в качестве члена Одесского Пироговского кружка для оказания помощи поселянам,

пострадавшим от недорода¹¹. Желание служить народу, помогать нуждающимся, пожертвовать собой за спасение человечества – это цели, которые являлись смыслом жизни А.И. Успенской и целого поколения народничества.

Сотни женщин пошли в народ. Мемуарная литература того времени полна упоминаний об этом. Валентина Дмитриева, высланная в 1887 г. из Москвы в Тверь за участие в студенческих волнениях, вспоминала, как одна «нелегальная» в свое время убеждала ее в том, что нужно идти в народ и идти не с пустыми руками, а с большими знаниями: «... если вы придете к нему в качестве учителя, врача или фельдшера, сделаетесь ему нужным человеком, он скорее вам поверит и пойдет за вами». Дмитриева писала, что она сидела возле этой женщины, жадно слушала ее «... и заранее представляла себе свою будущую работу в селе; голова горела, сердце переполнялось энтузиазмом, мерещилось что-то огромное, толпы народа, дым и пламя сражения, как я видела где-то на картине изображение баррикады парижских коммунаров»¹². Усвоив «передовые» идеи своего времени, В.И. Дмитриева отправилась в деревню учить крестьянских ребятишек. Иногда, как вспоминает писательница, удавалось побеседовать с крестьянами, зашедшими на огонек послушать «газету». «Большое впечатление произвел на них рассказ о декабристах, – писала В.И. Дмитриева впоследствии, – сначала я прочла им Некрасова о «Русских женщинах», а потом вкратце изложила историю декабрьского восстания, предполагая после перейти к позднему революционному движению. Эти бородастые люди были вос-

⁷ Успенская А.И. Указ. соч. – С. 26.

⁸ Там же. – С. 27.

⁹ Малоземова А.И. Женщины-медки – участницы революционного движения в Твери // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию первого съезда земских врачей Тверской губернии. – Калинин, 1971. – С. 50–51.

¹⁰ ГАТО. Ф. 927 Оп 1. Д. 9816. Л. 44

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1900 г. Д. 798. Л. 1.

¹² Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – С. 85.

приимчивы совсем как дети; они так всем интересовались, так жадно до всего допытывались, что часто наши беседы затягивались до полуночи...»¹³ Но, как и многие учительницы-пропагандистки, В.И. Дмитриева не ужилась в деревне. По селу стали ходить слухи, что «новая учителька не бывает в гостях ни у попов, ни у лавочников, а якшается с мужиками, ходит на дошитки (посиделки) и к ней из города приезжают какие-то подозрительные люди, с которыми она просиживает до утра»¹⁴. Началась «форменная травля», и из деревни пришлось уехать.

Женщины, принимавшие участие в движении 80-х гг., выполняли самую разнообразную работу. В.И. Дмитриева писала, что ее посильное содействие революционному движению выражалось «... в хранении литературы, приискании квартир для нелегальных и собирании денег. Последнее шло у меня удачно благодаря знакомству с А.Д. Мартыновым, который очень сочувствовал программе “Народной Воли” и время от времени присылал мне по сто, по двести рублей – все, что мог урвать из-под бдительного ока своего отца»¹⁵.

Применительно к социал-демократической партии нельзя вывести один типичный образ участницы социал-демократического движения. Мы можем говорить, по крайней мере, о двух разных типах социал-демократок, отбывавших срок ссылки в Тверской губернии. Эти типы принципиально различаются по социальному происхождению, образовательному уровню, политическому опыту, мотивам их обращения к социал-демократическим идеям и членству в партии (опыт детства и юности,

круг чтения, рабочие кружки, университеты, среда).

Типичными и наиболее известными представительницами социал-демократической партии среди ссыльных женщин в Тверской губернии были П.Ф. Куделли и А.В. Артюхина.

П.Ф. Куделли – профессиональная революционерка. Родилась в семье дворянина, ее отец занимал должность коллежского асессора. П.Ф. Куделли получила прекрасное образование. Окончила Бестужевские курсы, во время обучения на которых и была вовлечена в радикальную деятельность. В 1878 г. участвовала в студенческих волнениях, примыкала к народовольцам. Путь П.Ф. Куделли в революцию, как и путь большинства профессиональных радикалок, шел от освоения теории к практике. Изучив марксистскую литературу, женщины из этой среды шли на фабрики, в кружки или вечерние школы для рабочих. Они сочетали радикализм с профессиональными знаниями и начинали свою политическую карьеру с преподавания необразованным рабочим с марксистских позиций того, что сами знали по истории, экономике или литературе. Так, П.Ф. Куделли с 1893 г. работала учительницей в вечерней воскресной школе для рабочих. Она писала: «В 90-е годы, когда среди молодежи – учащихся университета и других высших школ – началось сильное влияние марксистского мировоззрения, когда студенты и курсистки засели за труды Карла Маркса и его учение запало им в душу, когда знание теории Карла Маркса у многих из нас окрепло, то это не могло не отразиться и на школе. Карл Маркс учит, что рабочий класс является двигателем истории, и нас потянуло в рабочие школы, чтобы заниматься с рабочими и, несмотря на все преграды, несмо-

¹³ Там же. – С. 126.

¹⁴ Там же. – С. 127.

¹⁵ Там же. – С. 191.

тря на то что под видом учащихся иногда появлялись шпионы и охранники, популяризовать учение Карла Маркса»¹⁶. С 1901 г. П.Ф. Куделли сотрудничала в «Искре», а с 1903 г. стала членом РСДРП. П.Ф. Куделли была опытным конспиратором, работала под партийным псевдонимом «Тетушка». В июне 1903 г. была выслана в Тверь под надзор полиции, где вошла в состав Тверского комитета РСДРП, а с августа 1903 г. стала его секретарем. В Твери руководила рабочими кружками на фабрике Морозова. После 1904 г. вела подпольную работу в Туле, Петрограде. Большое внимание П.Ф. Куделли уделяла агитации среди работниц и организации «женского пролетарского движения». В 1912–1913 гг. П.Ф. Куделли была членом редколлегии журнала «Работница». Семьи не имела. А.В. Артюхина писала, что такие профессиональные революционерки, как П.Ф. Куделли, «уходя в революцию» отлично знали, что их ждут тяжелые лишения, тюрьма, каторга, ссылка и даже насильственная смерть. Но ничто не могло удержать их от служения великому делу освобождения рабочего класса и всех трудящихся»¹⁷.

Другой тип ссыльной социал-демократки с типичной пролетарской биографией – Александра Артюхина (урожденная Сорокина). Родилась А. Артюхина в семье рабочего-ткача. Окончила начальную трехлетнюю школу. С 12 лет работала на ткацких фабриках. На формирование революционного сознания А.В. Артюхиной,

как представительницы низших социальных слоев, большое влияние оказали тяжелейшие условия труда и быта, условия жизни в детстве. «Детство мое прошло в условиях тяжелой нужды и несправедливости, – вспоминала впоследствии А.В. Артюхина. По окончании начальной трехлетней школы, в возрасте 10 лет, я была отдана в ученицы к портнихе и уже в 12-летнем возрасте начала самостоятельно зарабатывать. Я шила русские рубахи косоворотки из ситца, по 4 копейки за штуку и в течение дня, работая по 12 часов, зарабатывала 20 копеек. Очень скоро мой грошовый заработок стал источником существования для всей семьи. Мать моя М.Н. Сорокина была уволена за активное участие в забастовке на фабрике, а отец, оказавшийся тоже безработным, вернулся из Петербурга и не мог себе найти никакого заработка»¹⁸. В дальнейшем А.В. Артюхина писала: « Кто из нас, старых работниц, не помнит и не перенес той тяжелой женской доли, какую несла женщина в царской России. Изнурительный и низко оплачиваемый труд в долгий рабочий день на фабрике и голодное существование. Теснота и скученность жилищ, где не было места, чтобы преклонить голову. Полное отсутствие ухода и самой элементарной медицинской помощи вело к высокой смертности детей, и это тяжелое горе ложилось на труженицу-мать. Кто из нас, женщин старшего поколения, не знает, что в рабочей семье из трех детей едва выживал один, а из шести – двое»¹⁹.

В 1906 г. А. Артюхина переехала в Петербург. Здесь она работала на текстильных фабриках, вела работу в профсоюзах текстильщиков и металлистов. Вступив в 1910 г. в РСДРП(б) в Петербурге, она стала

¹⁶ Куделли П.Ф. Дом № 65 по Шлиссельбургскому тракту // Пролетарский пролог: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893–1894 гг. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 190–191.

¹⁷ Артюхина А. Пройденный путь // Женщины в революции. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 21–22.

¹⁸ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 7. Т. 1. Л. 4.

¹⁹ Артюхина А. Указ. соч. – С. 18.

членом Центрального бюро профсоюзов Петербурга²⁰. Если путь профессиональной революционерки шел от освоения теории к практике, то для работницы все было наоборот. Ее кругозор расширялся очень медленно. Сначала работницы начинали выдвигать обычные требования повышения заработной платы и уважения их человеческого достоинства. Затем выполняли незначительные партийные поручения политического характера. И после долгого периода ученичества у «интеллигенток» часть из них становились полноправными членами партии и немногие выходили на уровень профессионалов. Такой путь прошла А.В. Артюхина: «Я поступила в вечернюю школу “Общества образования”...Затем вступила в члены профсоюза текстильщиков Петербурга [...] Как член профсоюза текстильщиков, я начала выполнять небольшие общественные поручения: распространяла газету “Голос текстищика”... Большевики, работавшие в обществе образования, мне стали поручать также распространение листовок и прокламаций. Как представитель профсоюза, я стала выступать с докладами на рабочих собраниях “О положении женщин текстильной промышленности” в Невском районе, на Охте и других...В 1909 г. меня избрали в правление Союза рабочих текстильной промышленности»²¹.

В дальнейшем А. Артюхина была активным организатором женского рабочего движения. За свою деятельность неоднократно подвергалась арестам, дважды была выслана в Тверскую губернию. Имела семью.

²⁰ Центральное бюро профсоюзов Петербурга – нелегальная организация, руководимая большевиками, направляющая деятельность всех профсоюзов Петербурга, связанная с Петербургским комитетом большевиков.

²¹ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 7. Т. 1. Л. 5–6.

Среди женщин, высланных в Тверскую губернию, были представительницы партии социалистов-революционеров. Увеличение численности представительниц этой партии среди ссыльных приходится на период 1909–1911 гг., что было связано с усилившимися полицейскими репрессиями.

В этот период в Твери существовала группа ссыльных эсеров. Среди членов эсеровской партии, пытавшихся наладить работу местной организации после ее разгрома в 1909 г., были высланные женщины – М.Н. Майнова, С.Н. Рабинович, Р.И. Гальперн (урожд. Фондаминская), Р.С. Спокойная, М.В. Вольфензон. Это были представительницы «интеллигентных» профессий, происходившие из купеческого или мещанского сословия, получившие хорошее образование, среди которых было немало евреек. Лучший пример – Сарра Рабинович. Она родилась в еврейской семье, отец ее был купцом первой гильдии. Получила прекрасное медицинское образование в Берлине, а затем сдала экзамен на врача при Московском университете. По сведениям Департамента полиции, Сарра Николаевна имела связи с заграничной группой террористов. Давала явки, ночевки и адреса для связей прибывающим в Москву из-за границы центровикам²². Была невестой Абрама Гоца, отбывавшего заключение в каторжной тюрьме по политическому делу, и впоследствии вышла за него замуж²³. 5 сентября 1911 г. была арестована в ходе ликвидации группы лиц, принадлежащих к партии социалистов-революционеров, и выслана в Тверь²⁴.

Прошла вслед за А.Р. Гоцем, ставшим одним из лидеров ПСР и лидером подсуди-

²² ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13386. Л. 1.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

мых 1-й группы на процессе социалистов-революционеров 1922 г., сквозь череду ссылок и была арестована вместе с ним в феврале 1937 г.

Таким образом, при общности положения женщин – политических ссыльных было много и общего, и различного в их социокультурном облике и конечно же в их дальнейших судьбах.

Литература

- Артюхина А.* Пройденный путь / А. Артюхина // Женщины в революции. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 17–30.
- Дмитриева В.И.* Так было (Путь моей жизни) / В.И. Дмитриева. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1930. – 487 с.
- Калинина Д.А.* Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук / Д.А. Калинина. – Киров, 2009. – 249 с.
- Куделли П.Ф.* Дом № 65 по Шлиссельбургскому тракту / П.Ф. Куделли // Пролетарский пролог: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893–1894 гг. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 189–194
- Максимова В.Н.* Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.) / В.Н. Максимова. – Братск: БрГТУ, 2011. – 180 с.
- Малоземова А.И.* Женщины-медики – участницы революционного движения в Твери / А.И. Малоземова // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию первого съезда земских врачей Тверской губернии. Калинин. 1971 г. – С. 49–54.
- Овечкина С.Ю.* Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / С.Ю. Овечкина. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 51 с.
- Успенская А.И.* Воспоминания шестидесятиницы / А.И. Успенская // Былое. – 1922. – № 18. – С. 19–45.